

Болезнь Андре. Ги де Мопассан

Эдгару Куртуа

Дом нотариуса выходил фасадом на площадь. Прелестный, красиво разбитый сад тянулся позади дома до самого проезда Пик, всегда безлюдного, от которого он отделялся стеной.

Здесь-то, в самом конце сада, жена нотариуса Моро и назначила первое свидание капитану Соммериву, который давно за ней ухаживал.

Муж уехал на неделю в Париж, и она располагала несколькими днями свободы. Капитан упрасивал ее так долго, молил так нежно, она была убеждена, что он любит ее так страстно, и чувствовала себя столь одинокой, столь непонятой, столь заброшенной среди бесконечных контрактов, которыми только и занимался нотариус, что позволила завладеть своим сердцем, не спрашивая себя, остановится ли она только на этом.

Но после нескольких месяцев платонической любви, рукопожатий, поцелуев, сорванных на лету, за дверь, капитан заявил, что немедленно попросит перевода и уедет из города, если не получит свидания, настоящего свидания под сенью деревьев, в отсутствие мужа.

Она сдалась, она обещала.

И вот с бьющимся сердцем она ждала его, прильнув к стене, вздрагивая при малейшем шорохе.

Вдруг ей послышалось, что кто-то карабкается, по стене, и она чуть было не обратилась в бегство. Что, если это не он? Что, если это вор? Но нет: чей-то голос тихонько окликнул ее: «Матильда!» Она ответила: «Этьен!» — и на дорожку, гремя саблей, прыгнул человек.

Это был он! Что за поцелуй!

Долго простояли они, тесно прильнув друг к другу, соединив уста. Но вдруг стал накрапывать дождик, и капли его, струясь по листве деревьев, зажурчали во мраке. Она вздрогнула, когда первая капля упала ей на шею.

Он твердил:

— Матильда, дорогая, ангел мой, пойдите к вам. Сейчас полночь, бояться нам нечего. Пойдите к вам, умоляю вас.

Она отвечала:

— Нет, мой любимый, я боюсь. Вдруг что-нибудь случится!

Но он сжимал ее в объятиях и шептал на ухо:

— Ваша прислуга в четвертом этаже, выходящем на площадь. Ваша комната — во втором, окнами в сад. Нас никто не услышит. Я люблю вас, я хочу любить тебя свободно, всю, с головы до ног.

И он неистово прижимал ее к себе, сводя с ума поцелуями.

Она все еще сопротивлялась, пугаясь и стыдясь. Но он схватил ее за талию, поднял и понес под дождем, который превратился теперь в страшный ливень.

Дверь была оставлена незапертой; по лестнице они поднялись ошупью; войдя в спальню, Матильда заперла дверь на задвижку, пока он зажигал спичку.

Но после этого она упала в кресло почти без чувств. Он опустился к ее ногам и стал медленно раздевать ее, начав с ботинок и чулок, чтобы целовать ей ноги.

Она говорила, задыхаясь:

— Нет, нет, Этьен, умоляю вас, дайте мне остаться честной женщиной! Я не прощу вам этого! Это так отвратительно, так грубо. Разве нельзя любить друг друга только душою?.. Этьен!

С ловкостью горничной и проворством нетерпеливого мужчины он безостановочно расстегивал, развязывал, отшпиливал, расшнуровывал. И когда Матильда вскочила, пытаясь убежать от этого дерзкого напора, то она неожиданно выскользнула из своего платья, юбок и белья совершенно голый, точно вынутая из муфты рука.

Растерявшись, она бросилась к постели, чтобы спрятаться за пологом. Это было опасное убежище. Он последовал за ней. Но, торопясь ее настичь, он слишком поспешно отцепил свою саблю, и она упала на пол с гулким звоном.

Из соседней комнаты, куда дверь оставалась открытой, тотчас же раздался долгий и пронзительный детский плач.

Она прошептала:

— Ах, вы разбудили Андре, он больше не уснет!

Ее сыну было год и три месяца, и он спал всегда рядом с матерью, чтобы она могла постоянно наблюдать за ним. Капитан, обезумев от

страсти, не слушал:

— Это неважно, неважно! Я люблю тебя; ты моя, Матильда.

Но она в отчаянии и страхе продолжала отбиваться.

— Нет, нет! Послушай, как он кричит. Он разбудит кормилицу. Вдруг она придет, что нам тогда делать? Мы погибли! Послушай, Этьен, когда ночью он просыпается, отец берет его к нам в постель, чтобы он успокоился. И он смолкает сейчас же, сейчас же. Другого средства нет. Я возьму его, Этьен...

Ребенок заливался, издавая пронзительные вопли, которые проникают сквозь самые толстые стены и слышны с улицы, когда проходишь мимо дома.

Ошеломленный капитан встал, а Матильда бросилась за малюткой и принесла его к себе в постель. Он смолк.

Этьен уселся верхом на стуле и свернул папиросу; не прошло и пяти минут, как Андре уже спал. Мать прошептала: «Сейчас я его отнесу». И с бесконечными предосторожностями она уложила ребенка в колыбель.

Когда она вернулась, капитан простер ей навстречу объятия.

Обезумев от страсти, он обнял ее, и она, сдаваясь, наконец, прильнула к нему, лепеча:

— Этьен... Этьен... любовь моя! О, если бы ты знал, как... как...

Снова раздался крик Андре. Капитан в бешенстве выругался:

— Вот негодник, черт возьми! Замолчит ли наконец этот сопляк!

Нет, сопляк не умолкал, он ревел вовсю.

Матильде послышалось какое-то движение наверху. Это, наверно, проснулась кормилица. Она кинулась за сыном, схватила его и снова принесла к себе в постель. Он тотчас же умолк.

Три раза подряд укладывали его в колыбель. Три раза подряд приходилось брать его оттуда.

Капитан Соммерив ушел за час до рассвета, отчаянно ругаясь.

Чтобы успокоить его нетерпение, Матильда обещала, что этим вечером примет его опять.

Он явился, как и накануне, но только еще более нетерпеливый и пылкий, доведенный ожиданием до неистовства.

На этот раз он осторожно положил саблю на ручки кресел, снял сапоги, как вор, и говорил так тихо, что Матильда его почти не слышала. И он был уже на пороге счастья, полного счастья, как вдруг что-то затрещало — то ли пол, то ли какая-то мебель, может быть, кровать. Раздался сухой хруст, словно надломилась какая-то подпорка, и тотчас же в ответ послышался крик, сперва слабый, затем пронзительный. Андре проснулся.

Он визжал, как лисица. Если бы так продолжалась дальше, он поднял бы на ноги весь дом.

Мать в отчаянии кинулась за ним. Капитан не вставал. Он кипел яростью. Он тихонько протянул руку, захватил двумя пальцами кусочек ребячьего тельца — не то ляжку, но то задик — и ущипнул. Малыш заливался, вопя изо всех сил. Тогда капитан, выйдя из себя, принялся щипать его все сильнее и неистовей. Он быстро схватывал складку кожицы, яростно стискивал и скручивал ее, затем отпускал, чтобы ущипнуть в другом месте, а затем дальше и дальше.

Ребенок кричал, как курица, которую режут, визжал, как собака, которую стегают. Безутешная мать целовала его, ласкала, пыталась успокоить, заглушить его крики поцелуями. Но Андре весь полиловел, словно с ним начинались судороги, и дрыгал ножками и ручонками самым отчаянным и жалобным образом.

Капитан сказал ласковым голосом:

— Попробуйте положить его в колыбель, может быть, он успокоится.

И Матильда отправилась в соседнюю комнату, неся ребенка на руках.

Как только его взяли из материнской постели, он немного поутих, а очутившись в колыбели, совсем замолк, изредка слегка всхлипывая.

Остаток ночи прошел спокойно, и капитан был счастлив.

На следующую ночь он пришел снова. Как только он заговорил довольно громко, Андре опять проснулся и поднял визг. Мать поспешила его принести, но капитан так умело, так сильно и так долго щипал его, что малыш задохся, закатил глаза, и на губах его выступила пена.

Его положили обратно в колыбель. Он немедленно успокоился.

На четвертую ночь Андре уже больше не плакал, боясь попасть в материнскую постель.

Нотариус вернулся в субботу вечером. Он снова занял свое место у очага и в супружеской спальне.

Утомленный с дороги, он рано улегся в постель; но, вернувшись к своему привычному укладу и тщательно выполнив, как порядочный и методичный человек, все свои обязанности, он вдруг удивился:

— Вот те на, Андре сегодня не плачет! Возьми его сюда, Матильда, я люблю ощущать его рядом с нами.

Жена вскочила, чтобы взять ребенка, но едва перепуганный малыш очутился в этой постели, где еще недавно он так любил засыпать, его всего свело, и он завопил столь неистово, что пришлось отнести его обратно в колыбель.

Мэтр Моро не мог опомниться:

— Что за странность! Что с ним сегодня? Или он так хочет спать?

Жена отвечала:

— Пока тебя не было, все время было так. Мне ни разу не удалось взять его к себе.

Проснувшись поутру, ребенок стал играть, смеясь и вскидывая ручонками.

Растроганный отец подбежал к нему, поцеловал свое детище и взял его на руки, чтобы отнести на супружеское ложе. Андре смеялся безмятежным смехом маленького существа, мысль которого еще дремлет. Но вдруг он заметил постель и в ней мать — и его счастливое личико сморщилось, исказилось, из горла понеслись неистовые вопли, и он стал отбиваться, как будто его пытали.

Удивленный отец пробормотал: «С ребенком что-то неладное» — и привычным движением приподнял его рубашонку.

Он так и ахнул. Икры, ляжки, поясница, весь зад малыша испещрены были синими пятнами величиной с целое су.

Мэтр Моро закричал:

— Матильда, посмотри, какой ужас!

Испуганная мать бросилась к ребенку. Каждое пятно было словно пересечено посередине лиловой чертой кровоподтека. Это были явные признаки какой-то ужасающей и необычайной болезни, чего-то вроде проказы, одного из тех причудливых недугов, когда кожа становится бугорчатой, как спина жабы, или чешуйчатой, как у крокодила.

Родители испуганно переглянулись: мэтр Моро воскликнул:

— Надо сходить за врачом!

Но Матильда, вся побледнев, пристально разглядывала сына, пятнистого, как леопард, и вдруг вскрикнула порывисто и необдуманно, как вскрикивают от возмущения и ужаса:

— О негодяй!..

Удивленный муж спросил:

— Что? О ком ты? Кто негодяй?

Покраснев до корней волос, она пролепетала:

— Нет... ничего... это... видишь ли... я догадываюсь... это... не надо звать доктора... это, конечно, негодяйка-кормилица... щиплет его, чтобы он замолчал, когда плачет.

Взбешенный нотариус послал за кормилицей и чуть не избил ее. Она упрямо отрицала свою вину, но ее выгнали.

О поведении ее сообщили в муниципалитет, и она уж больше не могла найти себе другое место.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 24 июля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.